

Распространено применение эпитетов «мужской» - «женский» к характеристике склада ума, силе человека, характеру взаимоотношений и т. д. Причем, эти качества могут приписываться и мужчине, и женщине. Интересно отметить, что нередко социально-психологические исследования гендерных различий ценностей подтверждают многие массовые стереотипы. Это явление не может однозначно интерпретироваться как подтверждающее верность «народных» наблюдений. Скорее, здесь происходит сращивание архетипических мифов и объективно фиксированного результата их реализации людьми. Таким образом, различие мужских и женских ценностей определяет ту социальную реальность, в которой возможно проявляется установка вести себя в соответствии с заданными стереотипами или противостоять им.

Опираясь на вышеизложенный подход, можно выделить следующие вариации характеристик гендера:

А. Мужская система ценностей у мужчин характеризуется:

1. ориентацией на создание традиционной семьи (патриархального уклада) или эгалитарной семьи;
2. высоким уровнем коммуникативной направленной активности, инициативностью в установлении деловых и сексуальных контактов;
3. выраженной поло-ролевой идентификации (выполнение только «мужских» обязанностей, подражание мужчинам, в частности, отцу);

Б. Женская система ценностей у женщин характеризуется:

1. ориентацией на создание традиционной семьи;
2. предписываемой обществом пассивной ролью в коммуникации, пассивной манипуляцией;
3. выраженной поло-ролевой идентификацией (выполнение «женских» обязанностей);

В. Мужская система ценностей у женщин характеризуется:

1. ориентацией на создание эгалитарной семьи или вообще отрицание ценности семьи;
2. инициативностью в установлении контактов;
3. резким отключением от идентификации с родителями;

Г. Женская система ценностей у мужчин характеризуется:

1. ориентацией на отказ от создания семьи;
2. невысоким уровнем инициативности, неадаптивной активностью в коммуникации;
3. конфликтной формой идентификации с родителями.

Верная классификация подобна ключу, которым открывают дверь, ведущую к тайнам природы или человека; когда ключ подобран, мы знаем, что наша идея не только полезна, но и истинна. Если это так, то наши повседневные поиски ответов выступают отнюдь не на равных с поиском правиль-

ной классификации, погоней за истиной. Одно из отличий повседневных поисков состоит в том, что их результат, удовлетворяющий нас означает получение желаемого. Напротив, в научном постижении истины нет места для частных прихотей или для потусторонней общественной цели. Когда мы действуем под давлением объективных фактов, допустимо только желание установить способ, благодаря которому существуют сами вещи.

Противоречия в современном толковании понятия "гендер" очевидны и определяют актуальные направления в гендерных исследованиях: соотношение био- и социоцентрированных концептов изучения гендера: анализ взаимосвязи гендера и социального статуса; дифференциация понятий "гендер" и "пол"; расширение эвристических возможностей применения понятия в социально-философском анализе. Методологической основой эффективного разрешения этих проблем в рамках проведенного исследования стало выявление критериев определения и типологии гендерной структуры общества, которые изначально интегрируют биологическую и социальную сущности гендера. Важным требованием к отбору этих критериев была также возможность их объективного регистрирования.

Так как гендер становится всё более значимым фактором в системе социальных связей, следовательно, структура общества может быть проанализирована в контексте системы критериев, определяющих гендер. Тесная взаимосвязь и взаимовлияние этих критериев (пола, сексуального опыта, структура ценностных ориентаций) обуславливает вариативные пути гендерной динамики, как отдельного индивида, так и социальных групп.

Таким образом, можно предположить, что современное гендерное разнообразие, рост числа представителей того или иного гендера, появление новых гендер - типов отражает динамику социальных процессов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Краткий психологический словарь/ Под общей ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. -512с.
2. Ануфриев Е. А. Социальный статус и активность личности. Личность как объект и субъект социальных отношений. М.: 1984.
3. Ядов В. А. Социальная идентификация личности. - Кн.2. М.; 1994.
4. Шабаева М. А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социс 1995.- №9.

УДК 330.8

Баяра А.Н.

ЧАСТНЫЙ БАНКИРСКИЙ ПРОМЫСЕЛ В КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЕ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В истории развития финансов и кредита в Беларуси в пореформенный период (1861 – 1914 гг.) имеется немало совершенно не исследованных тем, так называемых «белых пятен». Одно из таких – развитие частного банкирского промысла в форме банкирских домов, банкирских контор и мелких лавок.

В целом формирование капиталистической кредитной системы в Беларуси после отмены крепостного права проходило в русле общероссийских тенденций, однако ей были

присущи свои особенности. Конец 1850-х – начало 1860-х годов были переломным моментом в развитии кредитно-банковской системы Российской империи. В 1860 г. была упразднена система старых полufeодальных государственных кредитных установлений и учрежден Государственный банк. Главной целью банка было, как указывалось в Высочайше утвержденном Уставе, оживление торговых оборотов и упрочение денежной кредитной системы [2, с.1].

На белорусские земли деятельность Государственного

Баяра Александр Николаевич, к.и.н., доцент каф. социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

банка распространилась несколько позже, чем на собственно российские. 17 сентября 1865 г. было открыто первое в белорусских губерниях отделение Государственного банка в Вильно, операции которого распространялись не только на свои уезды, но и частично на Минскую губернию. И только в первой половине 1880-х годов филиалы банка были организованы в остальных четырех белорусских губернских городах: 27 октября 1881 г. в Минске, 16 февраля 1883 г. в Могилеве, 11 апреля 1883 г. в Витебске, 16 августа 1884 г. в Гродно и двух уездных – 17 июля 1884 г. в Белостоке и 18 сентября 1884 г. в Двинске [10, с. 5].

Частные акционерные коммерческие банки в Северо-Западном крае также возникли позже, нежели в российских, прибалтийских, украинских, привисленских (польских) губерниях. Если в России первый акционерный коммерческий банк «открыл свои кассы для операций 1 ноября 1864 г.» [4, с.174], то в белорусских губерниях первый подобный банк начал работать 24 августа 1872 г. в Вильно, второй – 10 сентября 1873 г. в Минске [10, с. 54,60].

В 1870-е - 1880-х годы в кредитно-банковской системе Беларуси растет количество кредитных учреждений – открываются городские общественные банки, общества взаимного кредита, акционерные земельные банки, Крестьянский Поземельный банк, Государственный Дворянский Земельный банк. Некоторыми кредитными операциями стали заниматься уездные и губернские казначейства, учреждения мелкого кредита – государственные сберегательные кассы и крестьянские ссудо-сберегательные товарищества.

Тем не менее, развитие кредитно-банковской сферы в белорусских губерниях значительно отставало от соседних регионов – Прибалтики, Польши, Украины, Центральной России. Главными причинами недостаточного развития банковских учреждений в пореформенной Беларуси были следующие: во-первых, белорусские губернии имели более низкий, чем в целом по стране, уровень экономического развития. Во-вторых, Беларусь была одним из немногих районов Российской империи, где значительно было развито частное предпринимательство в форме банкирского промысла в виде банкирских домов, банкирских контор и меняльных лавок.

Эти традиции сохранялись здесь еще со времен Речи Посполитой, где даже в XVII - XVIII вв. не существовало акционерных банков, как в Западной Европе, или государственных, как в России, а все кредитные операции осуществлялись частными банкирами. Известный российский исследователь истории банковского дела И.И. Левин отмечал, имея в виду собственно русские губернии, что «как явление типичное, частный банкир не знаком русской экономической истории вплоть до XIX века» [4, с.11], в то время как «на западных окраинах России организация кредита была более высокой» [4, с.19].

Широкое развитие частного банкирского промысла в Беларуси во многом объяснялось так же и тем, что им занимались преимущественно евреи, которые проживали здесь из-за черты оседлости. Незадолго до отмены крепостного права – 15 марта 1859 г. император Александр II подписал закон, разрешающий евреям - купцам первой гильдии свободный выбор места жительства. Закон определял, что если еврейский купец состоял в первой гильдии в течение двух лет до вступления его в силу или пяти лет после, то он мог переселяться за пределы черты оседлости со своим семейством и брать с собой работников из числа своих единоверцев – не более одного приказчика или конторщика и четырех домашних слуг. Это ограничение не распространялось на купцов, переезжавших из черты оседлости в обе столицы, где все зависело от решения местных военных генерал-губернаторов [1, с. 39].

Так, широко известное в дореволюционной России семейство банкиров Гинцбургов происходило из белорусских евреев. Предками их были раввины из Витебска, потомок которых Осип Гаврилович (Иосиф-Евзель Габоизлович) Гинцбург ро-

дился в Витебске в 1812 г. и уже в 1833 г. стал купцом первой гильдии и вместе с отцом разбогател на винных откупах в западных губерниях России – Бессарабии, Киевской и Волынской губерниях. После издания вышеназванного закона, в 1859 г. Осип Гинцбург переехал в столицу империи, где основал крупнейший в России банкирский дом «И.Е. Гинцбург» с филиалом в Париже [3, с. 41].

В первые пореформенные десятилетия в Российской империи сложилась четкая система строгого правового контроля над денежным обращением и банками. Было разработано жесткое законодательство, регламентировавшее акционерное учредительство. Кредитными операциями могли заниматься только учреждения, созданные на основании утвержденных правительством уставов, строго определявших круг деятельности каждого из них и порядок ведения отчетности. Подобные учреждения обязаны были периодически публиковать в правительственных и иных наиболее распространенных изданиях сведения о состоянии своих счетов, а так же о результатах годовой деятельности. Законом от 22 мая 1884 г. устанавливались правила закрытия кредитных учреждений в случае потери ими всех или определенной части своих капиталов [9, Т.1 У. № 2249]. Кроме того, банки, общества взаимного кредита, ссудо-сберегательные и кредитные товарищества и иные учреждения, занимавшиеся финансово-кредитными операциями, обязаны были иметь купеческие гильдейские свидетельства [8, с.129].

Банкирские же дома и конторы представляли собой обычные торговые заведения, совмещавшие банкирские операции с торговлей. Во второй половине XIX века понятие «банкирская контора» и «банкирский дом» стали широко распространенными, однако разница между ними часто была условной. Формально более крупные фирмы назывались банкирскими домами, хотя некоторые банкирские конторы по своим операциям могли превосходить банкирские дома. Для получения конторной статуса дома не требовалось предъявлять каких-то особых документов о характере ее деятельности, достаточно было обратиться с заявлением в губернское правление по месту жительства, которое затем регистрировалось в Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов.

Кроме банкирских домов и контор на белорусских землях в пореформенный период существовала широкая сеть меняльных лавок, также относившихся к заведениям частного банкирского промысла. Хотя их основной операцией был обмен денег – крупные номиналы на мелкие и наоборот, бумажные деньги на звонкую монету, иностранную валюту на российскую – они занимались и кредитно-ростовщическими операциями. Для их открытия также не требовалось утвержденных правительством уставов.

Банкирские дома и конторы, меняльные лавки часто производили те же операции, что и прочие кредитные учреждения, но отличались от них тем, что о своей деятельности они не обязаны были отчитываться в Министерства финансов или внутренних дел (в те годы МВД выполняло иные нежели сейчас функции) и предоставлять публичную отчетность. Только крупные банкирские дома публиковали отчеты о своей деятельности или правила проведения тех или иных операций, да и то в основном с рекламной целью, надеясь привлечь потенциальных клиентов.

До конца 80-х годов XIX века в России, как и в некоторых других странах Европы, например во Франции и Германии, не существовало специального законодательства для частных банкирских заведений. Их владельцы действовали в соответствии со статьями 24-й и 36-й пятого тома «Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов» и получали как купцы гильдейские свидетельства и билеты, хотя приписка к купеческому сословию была добровольной. Такое положение частных банкиров во многом не устраивало организаторов и

руководителей иных кредитных учреждений и последние организовали кампанию критики деятельности частных банкиров.

Бывший в 1887 – 1892 годах министром финансов И.А. Вышнеградский (ученый с мировым именем, крупная величина в области механики и машиностроения, профессор и директор Санкт-Петербургского технологического института) поддержал эту кампанию и в 1889 г. представил на рассмотрение Государственного совета проект «Положения о банкирских заведениях». Министр утверждал, что банкирские дома, конторы, меняльные лавки «ничем, кроме названия, не отличаются друг от друга» и не только занимаются всеми операциями, разрешенными учреждениями краткосрочного кредита, но, «действуя безо всякого контроля», совершают еще «положительно вредные» и даже запрещенные законом сделки, а именно: продажу в расрочку билетов внутренних с выигрышем займов и права на получение могущего упасть на эти билеты выигрыша. Вышнеградский обвинял банкирские заведения в жульничестве, разжигании в публике «страстей к биржевой игре», в «самой бессовестной эксплуатации незнакомых с кредитными операциями людей» [цитируется по: 1, с. 48].

Вместе с тем Вышнеградский признавал, что существование банкирских домов и контор оправдано и вызвано потребностью в мелком кредите, но он предлагал строго регламентировать их деятельность. Министр финансов считал необходимым прежде всего исключить из числа банкирских заведений меняльные лавки и запретить им все операции краткосрочного кредита, сохранив за ними только право размена денежных знаков и оплату купонов вышедших в тираж ценных бумаг.

Предложенное Вышнеградским «Положение о банкирских заведениях» было рассмотрено и одобрено сначала Государственным советом, а 26 июня 1889 г. царем Александром III и стало законом. Согласно закону Министерство финансов получило право преследовать те частные банкирские учреждения, которые занимались биржевой игрой и спекуляцией, и запрещать им продажу билетов внутренних выигрышных займов с рассрочкой платежа, перезалог ценных бумаг и другие операции, которые могли бы быть использованы в целях наживы за счет обмана клиентов.

На практике закон от 26 июня 1889 г. не получил значительного применения, так как любого владельца банкирского предприятия необходимо было заранее предупредить о проверке. Впоследствии в данный закон вносились изменения и дополнения, особенно при С.Ю. Витте, который сменил И.А. Вышнеградского и был министром финансов в 1892 – 1903 гг., автора знаменитой денежной реформы 1895-1897 гг. Так, 8 июня 1893 г., в связи с подготовкой к переводу российской денежной системы на золотой стандарт, был принят закон, запрещающий некоторые операции с валютой [9, Т. XV. № 11733]. Этот закон был принят в связи с подготовкой к введению золотомонетного стандарта. Он должен был способствовать стабилизации рубля и ограничивать спекулятивные сделки с валютой на бирже. До 1895 г., то есть до принятия нового банковского законодательства, он не распространялся на меняльные лавки, так как их владельцы не имели права посещать биржу.

В 1907 г. по предложению некоторых финансистов и статистиков хотели ввести публичную отчетность для владельцев банкирских домов и контор. Но это встретило много возражений. Владельцы частных банкирских заведений утверждали, что публичная отчетность отпугнет их клиентуру и отдаст ее в руки ростовщиков, действовавших нелегально. Они доказывали, что лица грамотные, способные следить за отчетами и балансами и имеющие для этого время и так пользуются в большинстве своем услугами обществ взаимного кредита и акционерных банков. А к банкирским домам и конторам обращаются лица, которые в этих учреждениях ищут таких удобств и выгод, которых они не могут найти в другом

месте. По мнению частных банкиров, их заведения привлекали клиентов повышенным процентам по вкладам, быстротой и отсутствием формализма при производстве операций, доступностью для маленького клиента, лично знакомого с хозяином банкирского учреждения, к которому он привык обращаться за советом.

Ввиду того, что предложение о введении обязательной отчетности для банкирских домов и контор и меняльных лавок не было принято, сегодня историки не имеют полных данных об их деятельности. Известно, что на январь 1910 г. в Министерстве финансов имелись следующие данные об этой категории кредитных учреждений, собранные на основании сведений, представленных губернаторами и градоначальниками – насчитывалось 287 банкирских контор и 88 меняльных лавок (о банкирских домах отдельно сведения не приводятся). За исключением обеих столиц и крупных городов, таких как Варшава, Одесса, Лодзь, Рига по числу банкирских контор на первом месте стоял Западный край (99 контор), затем шли привисленские (42) и южные (33) губернии. На Кавказе имелось только 2 банкирские конторы, а во всей Азиатской части России – 3 [1, с. 29]. Однако приведенные данные по всей видимости являются неполными.

Автору статьи удалось обнаружить в Национальном историческом архиве Беларуси некоторые сведения об этом вопросе. В фонде канцелярии начальника Витебской губернии имеется «Дело о доставлении сведений о банкирских заведениях и меняльных лавках, находящихся в Витебской губернии» за 1895 год. В рапорте Витебского полицмейстера от 15 ноября 1895 г. сообщается, что «в городе Витебске имеется три банкирских конторы, а именно Мойши Лейбовича Гинзбурга, Иофика Абрамовича Гинзбурга и Израила Вишняка, меняльных же лавок не имеется» [5, л. 3], Двинский полицмейстер также сообщил о трех банкирских конторах - Хаима Вофси, Мойши Витенберга и К, Иосифа Шацкеса и сына и меняльной конторе Рапопорта [5, л. 8]. Режицкий уездный исправник доложил о наличии в городе отделения банкирской конторы «Шацкес и сын» [5, л. 16]. Остальные уездные исправники Витебской губернии сообщили, что в их уездах не имеется банкирских заведений и меняльных лавок. Однако трудно представить себе, что во всей Витебской губернии в 1895 г. насчитывалось всего 7 банкирских контор и 1 меняльная контора (хотя меняльные заведения обычно назывались лавками, а не конторами, что опять дает повод сомневаться в точности отчетов). Сомневаться в добросовестности чиновничьих отчетов заставляет не только очевидность отписок – трудно поверить, чтобы в уездных городах не было подобных заведений, но и такой факт, что в том же архивном фонде имеется «Дело об открытии в городе Режице отделения банковской конторы под фирмой М. Витенберг и К», то есть филиала вышеназванной двинской конторы, о чем в отчете уездного исправника не сообщается [6, л. 1].

Через 15 лет, в 1910 г. Витебский губернатор получил из Министерства финансов циркуляр, в котором говорилось: «ввиду того, что банкирские заведения и меняльные лавки не обязаны представлять в Министерство финансов данные о своей деятельности и сведения о прекращении действий, то в Министерстве финансов сведения о них весьма неточны». Поэтому выражается просьба собрать сведения по Витебской губернии [7, л. 1]. Витебский губернский статистический комитет представил в столицу следующие данные:

в г. Витебске – банкирские конторы 1) Рославльского купца (то есть из города Рославля Смоленской губернии – А.Б.) Мовши-Лейбы Абрамовича Гинзбурга, 2) Смоленского первой гильдии купца Израила Вульфвича Вишняка, 3) фирмы «Соловей и сын», принадлежащая Рославльскому первой гильдии купцу Симону Шмерковичу Соловью и сыну его Куслию; банкирский дом братьев Рябушински; в г. Двинске банкирская контора Санкт-Петербургских купцов Менахима

и Меера Мовшевичей Витенбергов; в г. Невель отделение банковской конторы Смоленского купца первой гильдии Израила Вульфовича Вишняка; в г. Режиц банкирские конторы 1) Гириш Якобсона, 2) наследников Левина; в г. Себеж банкирская контора Себежского первой гильдии купца Абрама Менделевича Гарница [7, лл. 4-21]. В отчетах статистического комитета не указывались сведения о времени открытия частных банкирских учреждений и другие данные, позволяющие провести какой-либо анализ их деятельности.

Отдельно отмечалось, что меняльных лавок в губернии не существует [7, л. 20]. Это вызывает большие сомнения, так как профессия менял была довольно распространенной. Уже цитируемый российский исследователь банковского дела И.И. Левин в своей монографии отмечал: «Число менял в первой четверти XIX века было чрезвычайно велико. В 1823 г., по собранным Министерством (финансов – А.Б.) сведениям, их оказалось «до 2 287 человек» [4, с. 16]. Не могла же эта прежде широко распространенная профессия в одночасье исчезнуть, тем более, что некоторые косвенные данные подтверждают наличие меняльных лавок в белорусских городах и местечках вплоть до 1917 г.

Несмотря на развитие в последней четверти XIX – начале XX века сети акционерных банков, городских общественных банков, земельных банков, обществ взаимного кредита, учреждений мелкого кредита в Беларуси сохранялось значительное число представителей частного банкирского промысла, которые в период империализма все еще имели известное значение в кредитовании местной торговли и промышленности. К сожалению каких-либо данных о капиталах и кредитных операциях частных банкиров не имеется. Большинство из них сочетали банкирские операции с ведением торговли, а иногда и владением промышленными и другими предприятиями. Сами они пользовались кредитами у Государственного и акционерных банков и удерживали определенные позиции в кредитовании местного хозяйства.

Значительное количество банкиров проводило свои операции в белорусском Полесье и других районах, где развивалась такая отрасль, как лесозаготовки. При примитивных формах их организации создавались благоприятные условия для существования банкиров-полуростовщиков. Даже с проникновением в эти район филиалов крупнейших российских банков владельцы местных банкирских домов и контор и меняльных лавок легко приспособились к новым условиям: они стали переучивать свои векселя в открывшихся здесь отделениях банков, как раньше переучивали их в Государственном банке. Это укрепляло позиции частных банкиров, выступавших перед банками гарантами оплаты переученных векселей. Правда, частные банкиры, не знавшие до сих пор конкуренции со стороны крупных банков, утратили своих наиболее состоятельных клиентов. И все же в руках банкиров, которые лучше знали местные условия и кредитоспособность местного населения, про-

должало оставаться непосредственное кредитование средних капиталистов и перекупщиков, которые вынуждены были платить большие проценты частным банкирам, достигавших особенно при кредитовании лесозаготовок ростовщических размеров – от 12 до 24% [11, с. 82].

Таким образом, частный банкирский промысел в кредитной системе белорусских губерний, возникший еще в феодальном обществе во времена существования Речи Посполитой, сумел приспособиться к капиталистическим общественным отношениям. Даже когда со второй половины 1890-х годов происходит быстрое развитие капиталистической кредитной системы Беларуси, и она примерно за 15 лет достигает уровня среднероссийских показателей развития кредитной системы на периферии, то есть без Санкт-Петербурга и Москвы, вытеснения банкирских домов и контор, а также меняльных лавок не происходит.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860 – 1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. – Л.: Наука, 1991. – 197 с.
2. Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1880 – 1910 годы. Составлен под редакцией директора Государственного банка Е.Н.Сланского. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1910. – 143 с.
3. Иоффе Э. Банкиры из Беларуси в Российской империи. // Банковский вестник. – 1999. - № 6. – С. 41-42.
4. Левин И.И. Акционерные коммерческие банки в России. Т.1 – Пг.: Типография товарищество Петроградского печатного производства, 1917. – 301 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси в Минске (НИАБ). – ф.1430. – оп. 7. – д. 4231.
6. НИАБ. – ф.1430. – оп. 7. – д. 4235.
7. НИАБ. – ф. 2502. – оп.1 – д. 685.
8. Полетаева Н.И. Гильдейские купцы Беларуси: количественные и качественные характеристики (60-е годы XIX – начало XX в.) // История и культура Европы в контексте становления и развития региональных цивилизаций и культур: актуальные проблемы из исторического прошлого и современности. Материалы международной научно-теоретической конференции, 30-31 октября 2003 г. – Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2003. – 452 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание III.
10. Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях. Составил А.К. Голубев. (год четвертый). – СПб.: Скоропечатня П.Я. Яблонского, 1908. – ХХIХ, 458 с. с приложениями.
11. Тимошенко В.В. Кредитная система Белоруссии в начале XX века. // Исторические записки. - Т. 78. – 1965. – С. 76-84.

УДК 947. 084. 8(476)

Ковалёва Н.Н.

МЕЖДУ ДВУХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ КАК ОБЪЕКТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЗАПАДА И МОСКВЫ)

В нашем предыдущем исследовании [1] был поставлен вопрос: к какой локальной цивилизации можно отнести Беларусь? Признавая сложность подобной идентификации, исходя из фактора религиозной принадлежности населения (именно

так поступают представители цивилизационного подхода к изучению истории А. Дж Тойнби и С. Хантингтон) белорусских земель, мы обратили внимание на то, что по Беларуси проходила линия раздела между католицизмом и православи-

Ковалева Наталья Николаевна, к.и.н., доцент каф. социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.